

Филология и диллии

Анна Герасимова: «А теперь я просто счастлива, и все»

Независимая. — 2002 — 23 янв. — с. 9

Ирина Семенова

Анна «Умка» Герасимова, доктор филологии, куску мела и доске предпочитает клубную сцену, когда холодно, или бульжники Арбата, когда тепло. Она — едва ли не самый аутентичный исполнитель рок-н-ролла в нашей стране, если разуместь под этим словом все, что происходило в музыке и мозгах в 60-е и 70-е. При этом: хрипловатым голосом поет песни, по градусу нонконформизма сравнимые разве что с Егором Летовым, довольна тем, что группа уже несколько лет, как играет на профессиональном уровне, и легким пером переводит писателей-битников — Берроуза и Керуака. Достаточно давно ее не по годам молодой лик подняли на свои знамена разномастные неформалы — она и не думала сопротивляться. Теперь же, когда к ее публике прибавились стильные интеллектуалы, ничуть не сопротивляется собственному вхождению в моду. Головой в литературе, ногами на дороге, пальцами на гитаре — всегда сама по себе.

Ты не боишься стать марионеткой, как другие звезды шоу-бизнеса?

— Не дождетесь. И мы не дождемся. Мы, собственно, ведем себя очень странно, как какой-нибудь Нил Янг. Реализуем свое не бывшее прошлое. Как будто у нас за плечами 60-е, 70-е... А у нас они только в подкорке. И мы играем такую музыку, которую играли (бы) уже 30 лет. Хотя лично мне всего 40. Вот она и звучит "архаично", по мнению некоторых. Но вообще я не отступаю от того, что то, что мы играем, есть популярная музыка, и пусть она будет популярной.

Что ты слушаешь, читаешь, что тебе интересно?

— Мне страшно интересно кино, и клипы я хотела бы снимать совсем иначе, чем это делается по общепринятым и модным рецептам. Они все получают одинаковые, как правило. Слушаю только западную музыку и только тех времен — 60-х и 70-х и ранее. Читаю теперь только non-fiction, в основном — рок-н-рольные биографии по-английски.

Так много биографий?

— Очень. А почему, кстати, ты думаешь, что я читаю много?

Я думала, кандидаты филологических наук много читают...

— Знаешь, говорят — "свое выпил", "свое выкурил". А я "свое прочла". И потом, я же никому не обещала функционировать согласно своему званию. Сейчас я функционирую в другом качестве.

Твое филологическое прошлое не оказывает совсем никакого влияния на твою жизнь сегодня?

— Наверное, настолько, насколько оно влезло. Я привыкла всю жизнь с буквами. Я родилась "писателем". Я научилась говорить раньше, чем ходить, и читать раньше, чем думать. Я пытаюсь это в себе преодолеть с помощью рок-н-ролла. Как у Мамонова в новом спектакле: "Я свою голову, которая не хотела думать, своротил набок". Я свою голову, которая думала слишком много и слишком логично, своротила набок просто битьем, железным ломом. И, в общем, преуспела.

Я прочтала твою статью про центонную поэзию. А в твоей музыке есть центоны?

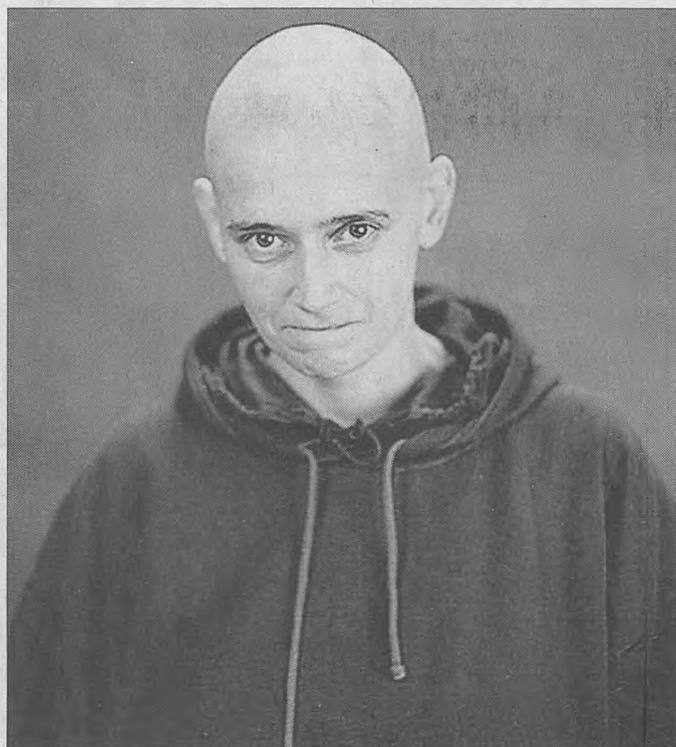
— Да. Как ни странно, в музыке тоже. Но в основном в текстах. Уже столько всего сочинено на свете, что просто невозможно избежать повторений.

Ты все еще любишь Хармса?

— Люблю Набокова, Мандельштама, Введенского. Не знаю, как можно любить Хармса. Я с ним, скажем так, слишком хорошо знакома. Знаю как облупленного. Любить там нечего. Можно восхищаться, можно прикалываться. Я его всего в свое время, когда диссертацию писала, перекачала от руки с оригиналов, с авторских рукописей в ОРИК ГПБ в Питере до писчей судороги. Когда все это безумие проходит сквозь тебя — через пальцы в мозг, — радости мало. Начинают происходить в жизни странные вещи, дублирующие то, что происходит в рукописях. Например, переписываешь рассказ, где кого-то укладывают спать на шкаф, а вечером тебя саму укладывают на шкаф, больше некуда потому что. Реальный случай! Тогда все это было еще очень мало опубликовано, я бегала по гостям со своими тетрадочками, читала людям вслух, перепечатывала на машинке, распространяла эти тексты, как могла. Как тут любить? Это не любовь.

Кто оказал влияние на твою поэзию?

— Моя поэзия отсутствует. Стишки, которые я иногда сочиняю, поэзией не являются. Публиковать их глупо. Так что разговор о них нет. Это побочный продукт. В отличие от песен, альбомов, которые с помощью грамотных музыкантов могут стать артефактом, самостоятельным предметом. На самом деле мне

На марионетку шоу-бизнеса Умка ну совсем не похожа.

Фото А.Барского

кажется, что поэзия сейчас неактуальна. Поэты пишут для себя и друг для друга. Никто их не читает. Аудитории для поэзии нет. Аудитория для рока — есть. Мне как рационалисту и практику это важно. Я хочу живого ответа, отклика. И не когда-нибудь, а сразу, здесь и сейчас.

Значит, ты идешь на поводу у народа, у толпы?

— Нет, мне просто интересно сразу видеть живой результат, реакцию. Живое интересно. Кроме того, я очень люблю рок-н-ролл.

то. Это очень для меня важно, как ни странно.

У тебя не было конфликтов с родителями?

— У кого их не было? Но как-то несмертельно. Мы как-то всегда оставались людьми одного круга. Хотя были попытки прессинга, взаимного, попытки их заставить меня как-то свернуть в какую-то другую сторону или, наоборот, не сворачивать. Было жестко, конечно, иногда. Но, во-первых, я с 19 лет с ними не жила. Это важно. А, во-вторых, любовь была всегда и по-

Мы ведем себя странно, реализуем свое не бывшее прошлое

Расскажи о своих родителях.

— Мои родители литераторы. Переводили литовскую литературу. Мама работала в Союзе писателей консультантом по литовской литературе, а папа — в журнале "Советская литература" редактором. В семье было пять пишущих машинок одновременно. Так что все это влезло с молоком матери. И отца. Они, кстати, очень переживали, когда я забросила литературу. Боялись, что я не поднимусь. Представь себе: менять курс так резко, в 35 лет. Бац, хочу быть рок-звездой. А когда пошли альбомы, статьи в газетах — они оттаяли. Тем более что им нравится то, что я делаю. Слушают, радуются. Понимают, в общем-

нимание, по крайней мере попытка понять. Никто меня никогда не сдавал, как зачастую случалось с нашими, Ирочка, знакомыми, правда ведь?

Людьми какого круга?

— Крут — это, ну, интеллигенция, скажем. Не диссиденты, конечно, но и не совдеп оголтелый. Нормальные образованные люди, с неплохим вкусом, человеческими убеждениями. Не без заблуждений, но это естественно.

В общем, это круг людей образованных, с умеренными взглядами. Они не радикалы, но и не совсем обыватели. Такие средние, да?

— Средние — плохое слово. Я не стала бы его применять по отношению к любимым людям.

Что ты будешь делать, если твой сын будет вести себя так же, как ты в молодости?

— Дело в том, что ему уже почти 20. Он взрослый человек. Очень хороший друг. Период "бури и натиска" у него пришелся лет на 12, но как-то был сглажен нашими с ним бесконечными путешествиями, серьезными приключениями. Мы с ним ездили автостопом, лазили по горам. Как-то некогда было выяснять, кто тут отцы, а кто дети.

Когда ты в прошлый раз была культовой фигурой среди части молодежи, твои песни многим заменяли комфорт. Сейчас некоторые из твоих бывших фанов стали уважаемыми людьми. А тебе как-то не обеспечила любовь народной никакого комфорта в жизни.

— Как же! Сплошной комфорт! Мы с друзьями снимаем замечательную квартиру возле парка. Еду кушаем всякую, йогурт в том числе. Ни в чем себе не отказываем. Ездим за границу. Вообще жизнь прекрасна, не знаю, о чем ты?

Я про большие деньги и про большую славу.

— Я не люблю мечтать и думать о будущем. Сейчас я живу совершенно так, как хотелось всю жизнь. Не знаю, насколько большие деньги и большая слава прибавляют человеку счастья. Я, конечно, люблю, когда меня любят.

Как ты относишься к своим фанатам?

— Слово "фанат" мне не нравится. Фанатизм — отвратительное качество. Слово "поклонник" тоже неприятное: кланяется, ручку целует. По-моему, отношения "звезда-фанат" — это отношения без уважения, нечеловеческие, телевизионные, пластиковые. Если кому-то нравится то, что мы делаем, значит, есть смысл дружить.

Ты много времени провела в бытнику с компьютером, раньше — с пишущей машинкой и была замечательным филологом. Зачем все-таки в рок-звезды?

— Я всю жизнь мечтала быть самой-самой, лучше всех, и что-бы все от этого радовались. Когда я на сцене, я ощущаю себя именно так. Это невероятный кайф. Никакая филология этого не даст. Почему раньше не лезла? Не знаю, может быть, недостаточно было уверенности. А тут смотришь — жизнь проходит, а самое главное так и не достигнуто. А теперь я просто счастлива, и все, занимаюсь любимым делом с помощью любимых людей и для любимых людей. Звучит больно идилично, но это правда. Лучше ничего быть не может.